

T

64

724

2330
А. в. Зя

64
724

1

дубин

249 $\frac{5}{67}$

OK - ф - НК - д - ки

4043

Причитанья надъ умершими Владимирской губернии.

Я предлагаю вниманію читателей *народнаго причитанія*, собранна мною въ разныхъ мѣстахъ Владимирской губ. Въ приведенныхъ причетяхъ нѣтъ никакихъ стѣсненій „пѣвца-слагателя“ какими-либо данными ему заранѣе образами, готовыми эпическими рамками, внутри которыхъ только и должна развиваться вся его фантазія (какъ, напр., въ былинахъ), а здѣсь личное чувство пѣвца и выраженіе его наблюденій надъ дѣйствительностью даетъ себѣ полный просторъ.

Собирая причеты, я старался сохранить выговоръ того лица, со словъ котораго записывалъ ту или иную причеть.

I.

Плачь по отцу на дому.

„Родимый мой, батюшко!
Что ты такъ крѣпко спишь,
Спишь не пробнешься?
Не долго тебѣ у насъ въ гостяхъ гостить,
Не годъ и не недѣлюшку,—
Послѣдній тебѣ часокъ со минуточкой.
Куда это ты отъ насъ собираешься?
Въ какую дальню путь-дороженьку?
Откуда намъ тебя ждать будетъ,
Откуда глядѣть будетъ, выглядывать?
Съ восходу ли намъ красна солнышка,
Съ заката ли намъ свѣтла мѣсяца?
Ждать-то намъ тебя не дождаться,
Глядѣть-то намъ тебя не доглядѣться:
Нигдѣ намъ тебя не видывать,
Нигдѣ намъ про тебя не слыхивать.
Хорошъ ли мы тебѣ построили крѣпкій домъ
Безъ окошечекъ, безъ хрустальныхъ стеклышекъ?
Не будетъ тебѣ изъ него выѣзда,
Не будетъ тебѣ изъ него выхода.
Ты уляжешь съ нимъ въ могилушкѣ

Подъ сырымъ пескомъ да подь камушкомъ.
(Зап. со словъ Маріи Васильевой, с. Карачарово, Влад. уѣз.).

II.

Плачь по отцу на дому.

„Родимый, милый батюшка!
Съ кѣмъ ты эту думушку надумалъ,
Съ кѣмъ ты ее придумалъ?
На кого ты такъ распрогнѣвалси,—
Оставилъ ты насъ горкихъ, несчастныхъ?
Скажи ты намъ, рѣднѣй батюшка,
Съ коей со сторонушки будетъ ждть тебя,
Съ коей будетъ намъ встрѣчать тебя?
Выйду я пойду во чисто полюшко,
Посмотрю на всѣ на четыре сторонушки:
Не идетъ ли нашъ желанный батюшка
Съ чужой, съ дальней сторонушки!
И приду я съ чиста полюшка,
Приду въ свою избушечку,
Погляжу на дубовую кроватушку:
Не лежитъ ли тамъ желанный батюшка,
Не сидитъ ли онъ еще въ которомъ углышкѣ,
Какъ по прежнему сидѣлъ всегда?
Скажи-ка, родной батюшка,
Какъ намъ горкнѣмъ, несчастнымъ будетъ жить безъ тебя,
Безъ тебя,—ясна соколика, ненагляднаго“?
(Зап. со словъ Феодосіи Козловой, с. Житенино, Покров. уѣз.).

III.

Плачь по отцу на могилѣ въ день погребенія.

„Какъ-то я умомъ подумаю—
Жить на свѣтушкѣ безъ батюшки,
Безъ желаннаго родителя.
Нѣту-тко у меня оборонушки,—
Укатился батюшка въ могилушку.
Вы словѣйте, вѣтра буйные,
Со всѣхъ четырехъ сторонушекъ,
Разметите пески желтые,
Раскатите катушіе камушки;
Расколись-ко гробова доска,
Распахнись-ко бѣлой савань:
Дай увидѣть мого батюшку!

Безъ тея, родимый батюшка,
 Пріосудятъ люди добрые,—
 Не обуты будутъ рѣзвы ноженки,
 Не надѣнется шелковой платокъ;
 Изобьютъ меня горюшную.
 Я съ сумой пойду—кручинушка.
 Взглянько-сь, взглянько-сь, батюшка,
 Успокой меня горюшную!“

(Со словъ 14 лѣт. дѣвицы Даріи Андреевой, д. Уваровка, Судогодск. уѣз.)

IV.

Плачь по матери въ день погребенія.

„Размилая моя, родна матушка!
 За что оставила меня сиротинкою
 На несчастіе горе великое!
 Какъ мнѣ горькой будетъ жить на свѣтушкѣ?
 Какъ ходить я буду по дому,
 Убирать буду скотинушку,
 Обымвать малыхъ братушковъ,
 Одѣвать моихъ сестричусекъ?
 При тебѣ, родима матушка,
 Только знала я да вѣдала
 Погуленки со подружками,
 Да лежанье на перинушкѣ.
 Ты, матушинька, мать родимая,
 Прилетай ко мнѣ ты съ того свѣтушка,
 Хоть кукушенькой—вѣщей птиценькой;
 Прокукуй-то-тка ты мнѣ свою волюшку,
 Чтобы знала я, кручинная, что удѣлывать,
 Какъ ухаживать мнѣ по домушку,
 Какъ мнѣ жить по Божьему на волюшкѣ.
 Охъ, родимая, родна матушка!
 Зачѣмъ ты на насъ прогнѣвалась:
 Оставила сиротинушекъ?
 Можя ты когда придешь утѣшить насъ:
 Прилетишь можя быть голубонькой,
 Аль придешь ты изъ могилушки
 Да появишься алымъ цвѣтникомъ,
 Прибѣжишь можя быть на задворочки
 Сѣрымъ заюшкомъ быстроногимъ?
 Ты скажи-ка, родна матушка:
 Съ какой ждать тебя сторонушки?
 Всѣ я тропочки укадаю,

Всѣ дороженьки углѣжею,—
 Буду ждать твоего приходушка.
 Охъ, ты, матушка родимая!
 Что, матушинька разгнѣвалась?
 Какъ теперь жить на свѣтушкѣ
 Безъ родимой—тебя матушки
 Сиротинушкѣ мнѣ красной дѣвицѣ?
 (Записано со словъ Θεοδосіи Козловой, с. Житенино, Покров. уѣз.).

V.

Плачь по мужь на дому молодой вдовы.

Душа ты моя, милый другъ!
 Оставилъ ты меня, на горюшко кинулъ
 Среди ты моря синяго, среди глубокихъ рѣкъ.
 Куды мнѣ приплыть будетъ, куды же мнѣ добратсьи,
 Къ коему бережку, къ коему поворотичку?
 Ужъ какъ за бережекъ я ухвачуся,
 Ужъ какъ за былиночку придержуся;
 Ручками не удержуся, спасеньица не дождуся.
 Ужъ ты ли, душа моя,—милый другъ!
 Оставилъ меня, покинулъ меня
 Во несчастьѣ—горюшкѣ, во кручинушкѣ;
 Не приластись меня, не поддержишь меня.
 Съ кѣмъ ты думушку надумаль,
 Съ кѣмъ ты эвто все обдумаль:
 Што-бъ оставить меня сиротинкою?
 Какъ теперь люди-свѣтъ народъ
 Поглядятъ на меня младу вдовицу?
 Сколько словушекъ понаслушаешь?
 Сколько басюнокъ сопровѣдаешь?
 Нѣту тебя славушки закрытчика,
 Моей жизни оборонщика,
 Людямъ, свѣтъ-народу отвѣтчика.
 За тобой жила—горевъ не вѣдала,
 Теперь-то горюшко спровѣдаешь.
 Ты, душа моя, мой ты, милый другъ!
 Появись ко мнѣ ты съ того свѣтушка.
 Буду ждать тебя съ полдень и со восходушка,
 Утромъ ждать буду ранешенько,
 Зорей, вечеромъ позднешенько,
 Буду ждать я во всѣ глазаьники:
 Не объявишь-ль съ какой сторонушки.
 Ты откликнись ко мнѣ, милый другъ,

Ты промолвь ко мнѣ словечко ласково,
 Ты утѣшь мое горько-горюшко,
 Ты взгляни хоть на минуточку,
 Ты вздохни хоть на секундочку!

(д. Цѣпнино, Покр. уѣз. Марія Казакова).

VI.

*Плачь по мужь**(на долгу).*

„Размилий ты мой законъ, свѣтъ Иванушка!
 Ты зацѣмъ умерь, зацѣмъ спряталси,—
 Зацѣмъ спряталси во колодушку,
 А не ходишь ты по теремку,
 Не ласкаешь малыхъ вьюношей—милыхъ дѣтушекъ?
 Охъ, зацѣмъ, законъ мой, ты преставился?
 Зацѣмъ горюшко во теремъ впустилъ?
 Вѣдь распустится нашъ высокъ теремъ
 Эвтимъ горюшкомъ да великоимъ,
 Обвалится весь, весь разрушится:
 Поправлять да мнѣ его будетъ некому,
 Милы-жъ вьюноши всѣ съ сумой пойдуть,
 На свѣту бѣлу раскидаются.
 Что надѣлалъ, коренной ты мой!
 Ты зацѣмъ умерь, а меня не взялъ,
 Штобъ не мучаться мнѣ на свѣтушкѣ?
 Охъ, горя мои, горя великии,
 Ужъ съ этихъ ли горевъ великоихъ
 Не ходять у меня да рѣзвы поженьки,
 Опустились да у горюши бѣлы рученьки,
 Свалилась да съ плечь буйна головошка.
 Не придумаю я своимъ умомъ—разумомъ,
 Какъ жить будетъ съ малыми вьюношами,
 Какъ держать мнѣ нашъ высокъ теремъ,
 Какъ работатъ горюшѣ мать сыру-землю?

(Женщина обращается къ собравшимся „на проводы“ и причитаетъ):

Охъ, сусѣдушки мои милые,
 Каковое у меня горе накатилося!
 Невзнадай ты, горе, навалилося!
 Вы подумайте, да какъ мнѣ жить одной будять,
 Какъ мнѣ жить будять да со вьюношами,
 Да со эвтими малыми дѣтенышами?
 Соберу я ихъ, малыхъ вьюношей,
 Здѣсь у гробушка въ одну грудушку,

Да поставлю ихъ на колѣночки
 Передъ вами, добры людюшки, милы сусѣдушки.
 А сама да я, горюша, горюшица,
 Распластусь на полъ и целомъ забью
 Я ко вамъ ли, ко сусѣдушкамъ,
 Со слезами до со горющими,
 Да съ сердечною со сиросьбицей.

(Женщина становится на колѣни и начинаетъ кланяться присутствующимъ).

Не спокните вы меня, добры людюшки, горюшу-горькую,
 Со вьюношами да съ моими со дѣтенышами..
 Вы, сусѣдушки, и ближніе и дальные,
 Вступитесь ко вы всѣ за мѣсто родна батюшка
 Моимъ вьюношамъ, милымъ дѣтушкамъ;
 Приютите-тко вы ихъ, накормите-тко,
 Научите-тко уму-разуму, Божіямъ словамъ;
 Што-бы жили-тко они всѣ по Божьему,
 По Его уставамъ письменнымъ.
 Вы, сусѣдушки, люди добрые,
 Разсудите вы, какъ жить буду горюшная:
 Коренного у меня въ домѣ нѣтути—
 Накатилось горе-горькое,
 Невзнадай оно навалилося;
 Пришла смертушка съ косою острою,—
 Она старицей забралася къ намъ.
 Охъ, злодѣюшка, скоро смертушка!
 Шла по улицѣ красной дѣвицей,
 По сѣнямъ вспохнула цорной галоцкой,
 А въ терѣмъ вошла старухою.
 Какъ взошла съ косою-косою черною—
 Вдругъ подрѣзала мой законушко.
 Повалился онъ, Богу духъ усласть,
 Не промолвилъ ни словечушка.
 Потеряла я свою лапушку;
 Не придумать мнѣ умомъ—разумомъ,
 Какъ теперечко жить горюшной
 Со вьюношами да съ малыми дѣтенышами.
 Вы не киньтѣ меня, люди—сусѣдушки,
 Горюшку-горюшную—со вьюношами,
 Пособите мнѣ во кручинушкѣ,
 Во несчастіи—горѣ великоемъ!
 Вы сходите-тко въ село къ батюшкѣ,
 Доложитесь попу духовному,
 Што-бъ ударили да въ большой колоколь,
 Затеплили-бы да свѣци яркія,
 Понадѣли-бы да ризы черныя,

Заслужили-бы да обѣдню,
 Взголосили-бы да службу упокойную—унывную,
 Погребли-бы тотка бы мого милаго
 По уставному да бы по церковному,
 По святымъ книгамъ бы то да по письменнымъ!

(Въ концѣ отпѣванья).

Восковъ желтыхъ свѣца да догорается,
 Унывна пѣсня да докончается,
 Вѣчна память возглашается,
 Врата царски затворяются.
 Спаси, Господь, да васъ, люди добрые,
 За споминъ мого законушка!
 Спасибѣ вамъ, попы-батюшки,
 Што исправили да вы всю службушку,
 Што отпѣвали мою законушку,
 Что складно пѣли, не торѣпились
 Все писаньицо вы исполнили,
 По святымъ книгамъ все сирочитывали,
 Унывную пѣсню упокойную,
 Возглашали по уставному.
 Вы раздайтесь, люди добрые,
 Порастроньтесь-ко малехонько:
 Дайте мнѣ взглянуть на касатика—
 На Иванушку мою законушку!
 Не держите-тко вы за рученьки,
 Не хватайте-тко за черной зипунъ!
 Я горяшная, горяша вдѣвица
 Поглазѣть иду да въ блекло личушко,
 Припасти да ко бѣлымъ грудямъ
 Ненагляднаго мого законушка.
 Ты прости-тко меня, коренной законъ,
 Прости-тко горяшную да несчастную!
 Какъ разстаться мнѣ съ тобой, соколикомъ?
 Взялъ бы ты меня съ собой во горенку,—
 Мнѣ-бъ съ тобой лежать было радешенько,
 Цѣмъ на свѣтушки горе мыкати.
 Пѣнь-колодушка, бѣлодубовая,
 Поразширься-тко да ты малехонько
 Да впусти-тко ты меня вунывную;
 Я жива лягу съ монмъ соколикомъ,
 Я пойду да съ нимъ во сыру мать-землю:
 Не въ моготушку да жить мнѣ на свѣтушкѣ!
 Охъ, горяшная я, горяша-горюшка,
 Осталась я сиротинушкой,
 Сиротинушкой со вьюношами—

Малыми, милыми дѣтенышами!
 (На могилѣ, когда удѣлываютъ холмъ.)
 То не ластушка, не касатушка
 Надъ дѣтенышемъ убивается—
 Это я, горюша-горюшка,
 Надъ законушкомъ встосковалася!
 Мать сыра-земля взяла мой законушко.
 Ужь ты, матушинька, сыра-земля,
 Не дави-тко ты крѣико гробовой доски,
 Не губи мого ты законушку,
 Пожалѣй мого ненагляднаго!
 Коренной ты мой, сердешный дружокъ!
 Я тея-бы костями-бъ выконала,
 Да добрыи люди бѣлы руденьки
 Съ обоихъ сторонъ крѣико держать.
 Охъ, вѣтры, вѣтра буйныя,
 Пронеситесь-тко вы съ четырехъ сторонъ,
 Пособите-тко мнѣ печальной,—
 Вы разсыпте-тко холмъ—могилушку,
 Раскатите-тко круглы камушки,
 Распахните бѣлы тонкой саванъ,
 Распахните бѣлы руденьки,
 Подымите-тко мого соколика—Иванушку!
 Не возстанитъ-ли коренной законъ?
 Не откроетъ-ли оцей ясныхъ
 На минуточку-бъ, да на секундочку?
 Звать не въ силушку вѣтрамъ буйнымъ
 Коренного приподнять ко мнѣ.
 Самъ Михаило со андельми
 Не снесетъ души во бѣлы груди:
 Не вернется коренной-то мой.
 Ты, земля, моя матушинька!
 Распохнись хошь ты во полуноци,
 Дай вздохнуть моему соколику,
 Поглядѣть на свѣтъ хошь манехонько!
 Ты пусти-тко его ко мнѣ въ теремокъ,—
 Пусть-ка придетъ онъ ко вьюношамъ—малымъ дѣтенышкамъ,
 Успокоитъ насъ, горькихъ сиротинушекъ,
 Приласкаетъ милыхъ вьюношей малыхъ сиротинушковъ.
 (На дому въ концѣ обѣда.)
 Ой, не йти-ли-тко мнѣ понавѣдаться,
 Поглядѣть на четыре сторонушки:
 Не идетъ-ли гдѣ коренной-то мой?
 Попытаю-тко я ждаты-глядѣть тея, моя ластушка,
 Съ четырехъ сторонъ свѣта бѣлаго.

Не промолвишь ли ты гдѣ словечушко,
 Не явишься-ль ты ко мнѣ яснымъ соколомъ,
 Прилетишь можа быть бѣлымъ голубемъ?
 Ты не явишься-ль своимъ व्यюношамъ,
 Какой птицей, али звѣрюшкомъ малехонькимъ?

(Женщина идетъ на дворъ, улицу или огородъ: спустя нѣкоторое время входитъ снова въ домъ и причитаеть:)

Ходила я по чистымъ полямъ, по темнымъ лѣсамъ,
 Пытала я кричать, гамѣть мой законушко.
 Сѣла я подъ кустышко—не дождусь ли я Иванушки?
 Не придетъ-ли онъ хошь звѣрюшкомъ,
 Не слетитъ-ли онъ ко мнѣ воробеюшкомъ,
 Али гулькою—сизымъ голубошкомъ?
 Нѣту-ти нѣтъ мого законушки,
 Коренной не йдетъ, соколъ Иванушко,—
 Лишь бѣла березынька гнется до земли
 Поглядѣла я на матушку, бѣду березыньку,
 А она-ли те гнетъ, да все до земли,
 Какъ мой милый да добрымъ людямъ кланялся.
 Думу—вырву я березыньку:
 Не дума-ль это Иванушки?
 Больно гнетъ она, да все до земли,
 Какъ Иванушко да вамъ кланялся.
 Псажу, думу, ее да я во горенкѣ:
 Я глядѣть буду, вспоминать буду
 Свово Иванушку, ясна соколика, мого милова.

(Женщина дѣйствительно приноситъ какой-либо сучекъ или пруть и ставитъ его на божницѣ или гдѣ-либо около иконы, и сама снова выходитъ изъ избы и, возвратившись, причитаеть:)

Пытала я ждать—глядѣть мого сокола,
 Какъ у быстрья, да у рѣченки,—
 Не плыветь ни гдѣ на черной лодочкѣ,
 Не плыветь ли бѣлой рыбицей?
 Быстрѣ бѣжить рѣка-матушка,
 Нигдѣ-тко нѣтъ мого законушка,
 Ходилъ я въ зеленыхъ дугахъ,
 Я глядѣла на всѣ четыре сторонушки:
 Не видать-ли гдѣ мого законушка,
 Не загулился-ль гдѣ, не замѣшкался-ль?
 Нѣту-тко, нѣту-ти законушка,
 А растеть твѣтеть здѣсь весслый твѣтъ,—
 Ровно милый мой Иванушка.
 Сорвала я твѣтокъ, принесла я вамъ.
 Поглядите-тко, люди добрые,
 Не похожь ли онъ на законушку?

Разгадайте-то мнѣ думу крѣпкую:
 Не душа-ль это Иванушка?
 Я припрячу твѣтокъ аленькій
 Ко матицѣ во высокъ теремъ;
 На него глядѣть буду—горюшница,—
 Какъ на Ванюшу мого законушка,

(Женщина дѣйствительно приносить въ избу цвѣтокъ или сѣбнику
 (зимой), ставитъ ихъ на божницу или втыкаетъ къ матицѣ)

Охъ, вы, люди, вы сусѣды хрещенье!
 Не нашла я своего законушка;
 Пособите-тко мнѣ въ житьеницѣ,
 Да мнѣ вунывнуей со вьюнѣшами!

(Женщина дѣлаетъ поклонъ обѣдавшимъ)

Вы воспойте-тко теперъ да пѣсню—
 Пѣсню вунывную да успокойную!

(Зап. со словъ Устины Ивановой, с. Ильинское, Суд. уѣз., д. Луканиха).

VI

Плачь по мужь на могилъ.

„Здравствуй, милъ сердечный другъ, соколъ явенькій!
 Я къ тебѣ пришла понавѣдаться,
 Грусть-тоску излить, зенки выплакать.
 Ты откликнись мнѣ, моя горлинка,
 Изъ могилушки, холма—насыпи,
 Тутъ-ли ты лежишь, сердешный, ай ушелъ гулять,
 Може по морю ты уѣхамши?
 Я къ тебѣ пришла съ тяжкой грустухой:
 Ночь не спится мнѣ,—день не кажется,—
 Пусто въ избушкѣ, пусто въ горенкѣ;
 По двору-ль пройдуся,—ржутъ лошадушки:
 Думуть ты пришелъ, моя лапушка.
 Охъ, охъ, горька я,—сиротинка я!
 Все сижу да жду тебя солнышка:
 Не придешь-ли ты съ того свѣтушки,
 Не покажиси-ль по дороженькѣ,
 Иль можа быть прилетишь ко мнѣ
 Малой пташенькой быстролетною,
 Иль можа быть пестрымъ рябушкомъ?
 Охъ, судьба-ль моя—горька долюшка!
 Не пришелъ ты, моя ластушка,
 Задавила те земля матушка.
 Видно,—жить одной безутѣшной мнѣ

На сырой землѣ, землѣ—матушкѣ
 Безъ касатика мила Мишеньки—
 Ясна сокола,—сиротинкѣ мнѣ.

(Зап. за Ксеніей Терентьевой въ с. Митенинѣ, Покр. уѣз. Терентьева
 изъ д. Теперокъ).

VШ

Плачь по сестрѣ на могилѣ.

Охъ, ужъ я,—кручинная головушка,
 Прибѣгла на мертвое, могильно кладбище
 Пропустить свой кручинный, воунывной голосокъ
 По тебѣ родимая сестричушка!
 Какъ ужъ мнѣ сповѣдовать тебѣ горя свои,
 Какъ рассказывать про наши все кручинушки?
 Съ коей сторонкушкѣ мнѣ подойти къ могилушкѣ:
 Съ полдень-ли, аль съ повечера,
 Али утреннїи зорюшки, али съ хмарноихъ вѣтровъ,
 Чтобъ услыхала ты наша родная сестричушка
 Во могилушкѣ горяча наша воплеья?
 Охъ, не держать меня рѣзвы ноженки
 Охъ, да поломилсь у меня плечики бѣлешеньки:
 Не удѣржаютъ буйной головушки!
 Скатылся я къ тебѣ, матынька—могилушка,
 Припала къ твоей сырой земличушкѣ,—
 Зову, воплю дружка милаго—сестричушку,
 Охъ, сестричушка, ты моя милая!
 Отзовись ко мнѣ ты изъ могилушки,
 Покажись хоть на единъ секундочку!
 Вы, вѣтры, вѣтра, вѣтра буйные!
 Вы развѣйте холмъ могилушку,
 Раскатите желтые песчаны мелки камешки.
 Ты раскройся, мать сыра—земля,
 Покажи-ка ты мнѣ бѣло личушко
 Моей сестричушки, моей родимушки!
 Ты спроснись моя, сестричушка,
 Ты открой свои очи ясные,
 Ты порадуй меня—бѣдную головушку.
 Какъ жила я съ тобой, да ласкалася,
 Словомъ ласковымъ обмольялася.
 Ты за што меня спокинула,
 Оставила ходить по земли безутѣшную?
 Ужъ я шла-ль къ тебѣ, да все пытала:
 Не видели-ль тебя, моя сестричушка,

Не оказалась-ли кому, не спривидилась-ли.
Мое сердечушко измоталось,
Съ тоской, грусточкой спозналося.
Хоть повидѣть тебя на минуточку:
Словомъ ласковымъ обмолвиться.
Какъ пришла я на кладбичушко,
Увидала родиму твою могилушку;
Захолонуло мое сердечушко,
Подкосились мои быстры ноженки,
Упала на грудь буйна головушка:
Вижу крѣпко те держитъ земля матушка,
Не покажешся ты, не откликнеши
Съ того свѣтушки загробнаго:
Нѣтъ тебѣ, видать, тамъ волюшки,
Изъ мертвой жива не явишься.

(Зап. со словъ Александры Масловой, с. Илькино, Покр. уѣз.)

Свящ. Алексѣй Соболевъ.

Оттискъ изъ „Этнографическаго Обзорѣнія“, Кн. 90—91.

2007098042